

УДК 316:004.738.5

МИФОЛОГИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ФРОНТИРА

© 2018 г.

Н.В. Плотицкина

Плотицкина Наталья Викторовна, к.э.н., доц.; доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар
oochronos@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 04.09.2017**Статья принята к публикации 22.01.2018*

Представлена теоретическая экспликация пространственной метафоры электронного фронта. Обоснована транспонируемость тезиса Ф.Дж.Тернера о фронтире на цифровой ландшафт. Выявлены сходные черты западного и электронного фронтиров: поэтапная колонизация пространств; малочисленность, однородность населения; изолированность колоний; децентрализация управления; снижение социальных ограничений и преследований; рост беззакония на начальных этапах освоения фронтиров; эксплуатация ресурсов фронтиров как элемент национальной политики. Фронтирные сообщества западного и виртуального пространств характеризуются общими признаками: появление новых стилей поведения, фронтирной идентичности; открытость и дружелюбие во взаимодействиях поселенцев; формирование групп интересов. Мифологический корпус электронного фронта интерпретируется как сеть мифов. Описаны этапы конструирования общего мифа об электронном фронтире, частные мифы о фронтирменах, общедоступности, децентрализации, анонимности и свободе на электронном фронтире. Показана роль цифровых интеллектуалов в построении и распространении мифа об универсальном Интернете как фронтирном сообществе. Героическая мифология фронта раскрыта в ходе описания мифологических образов киберсквоттеров и хакеров. Миф об общедоступности электронного фронта свидетельствует о том, что степень проницаемости динамичной границы определяется уровнем цифровой компетентности пользователей. Миф о децентрализации рассмотрен в контексте технологической инфраструктуры онлайн-пространства. Описаны мифы о даркнете, циркулирующие в онлайн-среде. Показана эвристичность метафоры электронного фронта в современных исследованиях цифровой реальности.

Ключевые слова: фронт, теория фронта, пространственные метафоры Интернета, электронный фронт, мифы электронного фронта, мифологизация фронта, социология Интернета, мифология Интернета.

Введение

В 1990-х гг. в американском научном дискурсе и публицистике произошло повторное открытие фронта, подвижной динамичной границы между освоенными землями и terra nullius: метафора стала экстраполироваться на интернет-пространство, появились метафорические конструкты – «электронный фронт» («э-фронт»), «киберфронт», «виртуальный фронт», «диджитал-фронт» [1–4]. Подобные метафоры необходимы, поскольку позволяют интерпретировать историю Интернета как проекта, а не только технологии [5]. Заметим, что американским исследователям свойственно метафорически характеризовать новые явления как фронт. Например, еще в 1970-х гг. М. Мельбин выдвинула гипотезу о том, что временной фронт вытеснил пространственный в результате увеличения бодрствования городских жителей в вечерние часы; по мере освоения географической территории пограничная метафора приобрела темпоральную логику [6]. Фронтирные аналогии важны не только в целях объяснения происходящего, но и как эталонные рамки, с

помощью которых меняются текущие перспективы, формируются будущие решения и действия, конструируются «дорожные карты» в ходе освоения новых территорий, пространств.

Теоретическая экспликация э-фронта как пространственной метафоры

Использование в дискурсивном измерении цифровой социальности метафорического конструкта электронного фронта свидетельствует об интерпретации Интернета с помощью знаковых метафор американской популярной культуры [5, р. 99; 7, р. 25]. Полезность метафорических конструктов заключается в создании когнитивного толчка в воздействии на убеждения индивида; важно то, как люди используют метафоры в процессе конструирования смыслов [8, р. 155–156].

Дж. Лакофф, М. Джонсон отмечали три вида метафор, позволяющих фреймировать виртуальную географию: *ориентационные*, переводящие непространственные условия в пространственные ориентации («я онлайн», «я в сети»); *структурные*, создающие ассоциации

между знакомыми жизненными переживаниями («чат»); *онтологические* метафоры сущности и субстанции («киберпространство», сеть узлов и связей может быть эквивалентна «пространству») [9]. Метафора «э-фронтала» находится на стыке между структурными и онтологическими пространственными метафорами. Фронтал – это не привычный элемент повседневного опыта, как иные структурные метафоры, однако представления о фронтале обрели мифологические черты.

Д. Хили характеризовал пространство, доступное для онлайн-пользователей, как «срединный ландшафт» между изоляцией и связностью, в котором противоречиво выражаются стремления к независимости и к участию; э-фронтал предлагает средства для «онтологического индивидуализма» и в то же время безграничные возможности для ассоциативной жизни [1, р. 60]. Ф. Тернер рассматривал фронтальную метафору как идеологическое выражение интересов цифровой элиты, т.н. диджерати (Дж. Брокмэн), которая продвигала интерпретацию компьютерно-опосредованного общения посредством э-фронтала в целях упрочения своих статусных позиций [10].

Электронный фронтал – динамичная граница освоения пространства цифрового общества (Д.Тапскотт), проницаемость и подвижность которой коррелируют с уровнем ИТ-грамотности, цифровых компетенций пользователей, степенью распространения компьютерных технологий, фронтальных поселений, онлайн-ресурсов, сетевых структур и практик.

Электронный фронтал versus западный фронтал

Пространственные метафоры могут быть подвергнуты критике, поскольку используемые ими символы «омрачены» историями угнетения, господства и контроля. Тема фронтала всплывает в дискуссиях об онлайн-комьюнити [1; 5; 11]. Так, Л. Миллер критиковала практику транспонирования фронтальной метафоры на цифровую реальность. Интерпретация западного фронтала как «пустого пространства» с низким уровнем социального взаимодействия и наличием мифологии эскапизма слабо коррелирует с сетью Интернет, которая «не имеет ниче-

го, кроме общества» [11, р. 51]. «Фронтал как область безграничных возможностей и незначительного социального контроля неустойчив; свобода, которую обещает фронтал [*западный фронтал*], – это освобождение от требований общества» [11, р. 50–51]. Однако, как отмечал Г. Кливер, понимание западного фронтала как «пустыни» не учитывало динамику численности обывателей фронтального региона и было свойственно преимущественно колонизаторам, перемещавшимся на Запад из более урбанизированного капиталистического общества, не понимавшим или не принимавшим культуру местных жителей, коренных народов [12, р. 241]. Западный фронтал имел две коннотации: горизонтальную – освоение terra nullius – и вертикальную – оспаривание границ иерархического общества [13].

По мнению Л. Миллер, сеть не занимает физическое пространство; «...это бестелесное символическое явление без каких-либо различимых границ или местоположения» [11, р. 51]; не учитывая «политику тела» киберпространства, характеризуя сеть как систему машин, Миллер выражает скепсис относительно применения пространственной метафоры э-фронтала применительно к цифровой реальности. Вместе с тем сеть, существующая в коммуникативных действиях людей, оккупирует пространства тех, кто ее создает и участвует в повседневных интеракциях.

Согласно логике Л. Миллер, сеть Интернет возникла как результат инновационного творчества пионеров, тогда как освоение западного фронтала предполагало колонизацию белыми поселенцами *уже существовавшей территории*. Те, кто отправился на Запад, наложили новый набор ограждений на земли местных народов, создавая «новую» землю капиталистической цивилизации.

Эссенциализацию научного дискурса относительно валидности аналогии западного фронтала в ходе конструирования метафор онлайн-пространства следует дополнить выявлением сходных черт западной и электронной подвижных границ (см. табл.) [3; 6]. Инвентаризация корреляций между метафорическими фронтальными конструктами фиксирует эвристичность метафоры фронтала в концептуализации электронного пограничья.

Таблица

Общие черты западного и электронного фронталов

Общие черты фронталов	Проявление указанных черт	
	на западном фронтале	на электронном фронтале
1. Поэтапное продвижение, включающее последовательные шаги в колонизации, освоении пространств	На смену «пионерам», зондировавшим фронтал и основавшим небольшие поселения, пришли «поселенцы», построившие колонии. На последнем этапе появились «люди капитала», «предприниматели», инвестировавшие в поселения	Периоды освоения э-фронтала коррелируют с этапами колонизации западного фронтала; в роли «пионеров» выступили ученые-инженеры, «поселенцев» – ученые, представители гражданской науки. «Высокотехнологичные стартапы» представляют собой новые пограничные поселения э-фронтала

Продолжение таблицы

2. На начальных этапах население являлось малочисленным и более однородным	Местность, на которой плотность населения составляла 2–6 постоянных жителей на квадратную милю; поселенцы на раннем этапе западного фронта в основном были представлены молодыми мужчинами; доля белых женщин незначительна	На э-фронтире наблюдается гендерный дисбаланс с преобладанием мужчин среди «пионеров», основателей технологического пограничья, программистов, IT-специалистов
3. Меньше социальных ограничений и преследований	Житель западного фронта знал, как сохранить порядок в отсутствие легальной власти (суд Линча, войны регуляторов в колониях Каролины); поселенцы избегали классового или религиозного угнетения (например, мормонские пионеры вследствие религиозных преследований заселили территорию Юты)	Эксперименты пользователей с виртуальными идентичностями
4. Колонии изолированы на начальных этапах освоения фронта	Например, колониальные поселения Старого Запада в начале XVIII века в основном состояли из ферм и небольших поселков, находившихся на большом расстоянии друг от друга	В 1969 г. сеть ARPANET, являющаяся прототипом современного Интернета, а также научным проектом Министерства обороны США, состояла из четырех хост-компьютеров; в 1973 г. сеть стала международной, к ней подключились организации из Норвегии и Великобритании. До 1980-х гг. сеть ARPANET, создававшаяся как сеть специального назначения, была местом обитания ученых, студенческих сообществ, ограниченным в доступе для массового пользователя
5. Управление изначально децентрализовано	Новые штаты на территориях Запада образовывались поселенцами, а не федеральным правительством; их идеалом было самоуправление	До второй половины 1990-х гг. техническое сообщество осуществляло принятие решений по управлению сетью Интернет. Инженерный совет Интернета (IETF) управлял развитием онлайн-пространства на основе сотрудничества, открытого взаимодействия с привлечением широкого круга участников. Отказ от децентрализованного управления Интернетом произошел вследствие «войны DNS», вызванной коммерциализацией системы доменных имен; монополией на управление регистрацией доменов частной компанией Network Solutions, Incorporated (NSI), которая вызвала недовольство прогрессивного интернет-сообщества. «Война DNS» вовлекла в процесс регулирования Интернета международные организации и государственные структуры, итогом стало создание некоммерческой организации ICANN (Корпорации по управлению доменными именами и IP-адресами)
6. Появление новых стилей поведения, фронтальной идентичности	Европейцы, колонизировавшие западный фронт, в ходе контактов с местным населением постепенно превращались в американцев; влияние пограничной среды и длительное нахождение мужей в поездках имели следствием замкнутость, застенчивость, одиночество жен «пионеров» фронта [6, р. 9]; поселенцы ориентировались на ценностные установки индивидуализма в выборе поведенческой модели	Блогинг, хакерство, цифровой просьюмеризм (производство и потребление онлайн-контента), селфи-практики и т.д.; э-фронт стал пространством конструирования виртуальной идентичности, пользователи выбирают различные модели самопрезентации в киберпространстве

Окончание таблицы

7. Рост беззакония и насилия на раннем фронтире	В приграничье часто происходили мошеннические банковские операции; картежники, головорезы, вигиланты представляли развитие спонтанно возникающих органов власти там, где отсутствовала законная власть; общая американская правовая основа была переинтерпретирована и адаптирована в соответствии с неотложными обстоятельствами, и зачастую результатом было грубое правосудие	Киберпреступность, мошенничество, фишинг, вирусы, спам, незаконные азартные игры
8. Больше пользы и дружелюбия	Описания приграничной жизни изобилуют рассказами о теплоте к незнакомцам, о строительстве общинных домов, о помощи нуждающимся [6, р. 11–12]; поселенцы создавали фронтальные сообщества; конфликты с индейцами, с природной стихией усиливали дух взаимозависимости	Помощь «цифровых аборигенов» «цифровым мигрантам» в освоении э-фронтальной зоны, компьютерных технологий; появление виртуальных сообществ, социальных сетей, краудсорсинга, краудфандинга, открытого программного обеспечения; совместная работа пользователей над Википедией
9. Эксплуатация основного ресурса становится национальной политикой	Гомстед-акт 1863 г. свидетельствовал о намерении правительства использовать свободные западные территории в целях облегчения жизни фермеров и городских работников; земельные участки после пяти лет обработки надела бесплатно переходили в собственность поселенцев западного фронта	Преодоление цифрового разрыва стало элементом национальной политики различных государств; роль правительства США в «войне DNS» во второй половине 1990-х гг.
10. Появление групп интересов	Движение гринбекеров, грейнджеров, политических партий протеста, организованных фермерами	Electronic Frontier Foundation (Фонд электронного фронта), Internet Engineering Task Force (Рабочая группа по проектированию Интернета), ICANN, ISOC (Общество Интернета) и т.д.

Мифологический корпус электронного фронта

Термин «миф» имеет множество интерпретаций в научном дискурсе. Так, В. Доти определяет мифологический корпус как сложную сеть мифов, которые являются культурно важными (т.е. *репрезентирующими общество*), воображаемыми историями, передающимися посредством метафорического и символического дискурса, наглядных образов, эмоциональной приверженности и участия. Эти основополагающие мнения отражают аспекты реального мира и роль человечества в нем. Мифология утверждает политические и моральные ценности культуры, обеспечивает универсальной системой интерпретации индивидуального опыта, которая может содержать вмешательство сверхчеловеческих существ и естественные и культурные предписания. Мифы воспроизводятся или отражаются в ритуалах, церемониях и драмах, представляют материалы для вторичной переработки, когда структурные части мифов – мифемы – становятся ориентирами для последующей истории (народной сказки, исторической легенды, новеллы или пророчества) [14, р. 33].

Используя аналитический инструмент В. Доти, подчеркнем, что мифологический кор-

пус электронного фронта включает комплексную сеть мифов: общий миф о киберфронтире циркулирует наряду с частными мифами о фронтальной зоне, фронтисменах, барьерах на путях экспансии в цифровую реальность.

В речевой практике часто используются компьютерные термины, связанные с классической мифологией, названные в честь мифических персонажей: троян, киберфобия, демон (даймон), арес, геркулес и т.д. Список мифологических терминов в царстве электронного фронта может быть увеличен. Названия коммерческих продуктов новых медиа, компьютерных компаний могут совпадать с именами мифологических существ (например, Helicon, Mercury, Amazon). А. Фернандес-Кано, А. Фернандес-Герреро провели параллели между классическими мифологическими конструктами и виртуальной реальностью, сопоставляя героев греческих мифов с персонажами цифрового мира. Используя научный инструмент герменевтики, авторы отметили эвристический потенциал следующих классических мифов в целях интерпретации виртуальной реальности, а значит, э-фронта: миф о Тантале, коррелирующий с неизбежным устареванием компьютерных ресурсов; миф о Тесее, коннотирующий создание антивируса для уничтожения троянов

и червей; миф об Одиссее/Улиссе, подходящий для описания неудач онлайн-пользователей; миф о Пигмалионе, отражающий эффективность интернет-технологий в процессе управления человеческими знаниями; миф о Протее, боге моря, олицетворяющем динамичную непредсказуемую природу цифрового мира [15].

Общий миф об электронном фронтире

Конструирование общего мифа об электронном фронтире происходило в 1990-х гг. в несколько этапов. Мифология западного фронтира разделяла Запад с его свободой, новыми возможностями и консервативный Восток. Чтобы завоевать э-фронтир, цифровые первопроходцы проложили границы между старым миром и прототипами современного Интернета (ARPANET, NSFNET), функционировавшими как закрытые академические компьютерные сети. В работе Г. Рейнгольда, вышедшей в 1993 году и ставшей бестселлером [16], популяризировался образ электронного фронтирного сообщества как виртуального комьюнити, доступного не только для «пионеров фронтира», разработчиков Интернета, но и для рядовых поселенцев, которые могли колонизировать виртуальное пространство. Основываясь на своем опыте членства в сетевом сообществе «Well», он указал на доступность, свободу, демократичность, коммуникативный потенциал электронных комьюнити, построенных по принципу интереса, вне географических барьеров. Постепенное расширение круга поселенцев виртуального мира требовало создания нетикета, правил онлайн-поведения пользователей, метафорично интерпретировавшихся как «э-фронтирная справедливость»; сетевой этикет участвовал в символическом создании электронного сообщества и играл определенную роль в конструировании мифа об э-фронтире. В 1992 г. на книжных прилавках США стали появляться первые справочники об Интернете для начинающих пользователей, а СМИ активно популяризировали э-фронтир. Новый ресурс в конструировании общего мифа был связан с появлением в 1993 г. в Сан-Франциско журнала *Wired*, ставшего трибуной для новых идей в компьютерной революции; в 1996 г. *Wired* изобрел неологизм *netizen* (гражданин Интернета) и создал раздел под этим заголовком [4, р. 100–101]. Отметим также, что в 1988 г. Стюарт Брэнд сформировал Глобальную бизнес-сеть (GBN), которая разрабатывала прогнозы относительно информационного общества и обеспечивала связи с деловым миром; бизнес-сеть тесно контактировала с журналом *Wired*. Политические коннотации

мифического дискурса э-фронтира возникли с появлением Фонда электронных рубежей Дж.П. Барлоу, отстаивавшего права и свободы в виртуальном мире. В конечном итоге, мифическое измерение киберфронтира стало транслироваться в 1990-х гг. широкой публике в ходе усилий диджера (онлайн-элиты): журналистов *Wired*, членов *Electronic Frontier Foundation*, *Global Business Network*, которые активно контактировали друг с другом [4, р. 106]. Цифровые интеллектуалы создавали миф об универсальном Интернете как фронтирном сообществе.

Мифы о героях э-фронтира

Эта область цифровой мифологии фронтира включает обширный пласт мифологических построений о пионерах, поселенцах, ковбоях, предпринимателях э-фронтира, о диджерах, хакерах, сисадминах, программистах, кибершеридах, серферах, интернавтах (виртуальных путешественниках) в киберпространстве.

Поисковая машина э-фронтира Google в ответ на ключевое слово «киберсквоттер» выдает следующие образные характеристики данного типажа фронтирмена: «сетевой первопроходец», «киберпоселенец», «хозяин онлайн-земли», «владелец кибержилья». В цифровом пространстве активно циркулируют мифы о киберсквоттерах, регистрирующих доменные имена брендов с целью получения прибыли от их дальнейшей перепродажи или недобросовестного использования. Доменом именуют владения интернет-пользователей в адресном онлайн-пространстве; доменное имя как символическое имя, идентификатор ресурса сети (веб-сайт, веб-браузер и т.д.) реализует не только техническую функцию сетевой адресации, трансляции имен в цифровой IP-адрес, но и функцию идентификации бизнеса, индивидуализации товаров, услуг компаний. Образ киберсквоттера окутан «мифической тканью»: этот фронтирмен-спекулянт «захватывает» домены. Метафора «киберзахвата» уместна в отношении фронтирменов «первой волны», когда действовала бесплатная регистрация свободных доменных имен в зоне .com до 1995 г. (в 1990–2002 гг. в доменной индустрии зоны .ru существовала практика «прокатывания домена»). На текущий момент киберсквоттеры, в основном, – бизнесмены, инвесторы в доменные имена, аналитики рынка имен веб-ресурсов, электронной коммерции. К тому же киберсквоттинг включает различные направления: брендовый, отраслевой, именной, защитный, тайпсквоттинг (использование опечаток

пользователя при введении имени популярного веб-сайта в адресной строке браузера). Негативные черты фронтальному герою придают практики использования виртуальной собственности киберсквоттеров, носящие недобросовестный характер и нарушающие права обладателей торговых марок.

Архетипический герой западного фронта, «американский ковбой», воплотился в образе хакера. В интерпретации М. Кастельса, культуре этих фронтисменов свойственны следующие мифы: психологическая маргинальность хакеров (зацикленность на софте, пренебрежение к юзерам); реализация хакерских «практик дарения» только в условиях постдефицитных обществ; представители данного сообщества являются, в основном, «взломщиками» [17, с. 67–68]. Мифологизация образа хакера отражена в «романтизации» деструктивной деятельности подобного героя э-фронта, приписывании хакерам онлайн-зависимости, черт интровертов, наделения их «компьютерным сверхмоществом». Однако существуют и «этические хакеры», помогающим государственным и коммерческим организациям защитить IT-инфраструктуру. В цифровой мифологии хакер является объектом мифотворчества, героем э-фронта в силу его способности совершать поступки, предпринимать определенные действия, нарушать правила, преодолевать границы запретов, колонизировать фронтальное пространство. Образ хакера активно мифологизируется в медийных текстах, визуальных репрезентациях, что приводит к популяризации хакерской культуры. В западном дискурсе поддерживается миф о «русских хакерах», имеющий политические коннотации и обусловленный профессионализмом российских IT-специалистов.

Миф об общедоступности электронного фронта

П. Адамс фиксирует общедоступность как отличительную черту э-фронта [8, р. 163]. Киберлибертарианцы последовательно отстаивают идею о преодолении барьеров на пути «колонизации» поселенцами «электронного фронта» посредством бесплатного компьютерного образования, онлайн-публичных обсуждений с политиками и удобного для пользователя программного обеспечения. «Суровая» и «гаинственная» местность компьютерных сетей должна быть доступной для обычных жителей.

Р.М. Грин по итогам прикладного качественного исследования сформулировала факторы, препятствующие проявлению интереса к

онлайн-технологиям в среде «непользователей»: отсутствие привычки к обучению, познанию нового; недоверие, страх перед компьютерными технологиями; интерпретация компьютеров как сложных в использовании, непредсказуемых; приписывание магических черт, врожденного дара «цифровым аборигенам»; приверженность луддизму; отсутствие помощи, пренебрежение со стороны активных пользователей онлайн-ресурсов. При этом наличие в семье лиц с высоким уровнем цифровых компетенций может быть ингибитором обучения онлайн-технологиям, освоения э-фронта среди других членов семьи, не являющихся IT-грамотными [18].

По данным Всемирного банка, в 2015 г. наиболее высокий уровень проникновения Интернета (90–95%) наблюдался в Люксембурге, Норвегии, Дании, Бахрейне, Японии, Нидерландах, Катаре, Финляндии, Великобритании, ОАЭ. Наиболее низкий уровень доступа граждан к онлайн-пространству (ниже 5%) характерен для следующих стран: Нигер, Сьерра-Леоне, Чад, Гвинея-Бисау, Республика Конго, Мадагаскар, Центрально-Африканская Республика, Гвинея, Бурунди [19]. Интерпретируя данные Всемирного банка, можно отметить, что 47% населения планеты имеют доступ к электронному фронту; при этом наиболее плотнонаселенной оказывается электронная фронтальная зона Европы и Северной Америки.

Миф о децентрализации маршрутной архитектуры электронного фронта

Характеристика э-фронта как централизованного/децентрализованного всплывает в ходе рассмотрения проблем управления Интернетом, в том числе сквозь призму технической инфраструктуры, архитектуры онлайн-пространства. С позиции различных исследователей, а также представителей технического сообщества Интернет («сеть сетей») рассматривается как распределенная система – а не децентрализованная – с различными центрами и концентрациями власти в ее конструировании и управлении.

Архитектура пространства Интернета как электронного фронта включает несколько глобальных систем: адресации (учета и распределения адресных ресурсов), доменных имен, маршрутизации и передачи данных. Интернет представляет собой сеть, узлы в которой объединены пиринговыми отношениями, в рамках которых соседние сети обмениваются трафиком, а также отношениями «провайдер – клиент». Обмен информацией о маршрутах движения трафиков между «соседними сетями» технически возможен

с помощью протоколов маршрутизации.

Понимание особенностей маршрутизации и передачи данных в сети дает ключ к разгадке указанного мифа, который коннотирует с идеей о том, что Интернет создал условия для появления протоколов, технологий контроля, которые не могут быть централизованы. Подчеркнем, что маршрутная архитектура э-фронттира изначально не разрабатывалась как централизованная (с наличием главного аппаратного узла, регулирующего все коммутации) или децентрализованная система координации, контролирующая значительным количеством региональных аппаратных узлов, предпочтение отдавалось распределенному характеру управления; на разных этапах развития и функционирования технической инфраструктуры фронта существовали различные практики регулирования онлайн-маршрутизации.

В сети с коммутацией пакетов ARPANET (Advanced Research Projects Agency Network), являющейся прототипом современного Интернета, маршрутизация и передача данных между стандартизированными мини-компьютерами IMP (Interface Message Processor; т.н. роутерами) осуществлялась под централизованным контролем фирмы Bolt, Beranek and Newman (BBN) [20].

NSFNET (the National Science Foundation Network), опорная сеть Интернета начала 1990-х гг., приняла принципиально иную форму, чем ARPANET, с трехуровневой иерархической сетевой топологией: сети в учебных заведениях, исследовательских центрах были подключены к региональным сетям, которые, в свою очередь, были связаны единой магистральной сетью NSFNET по регионам. В NSFNET использовался протокол EGP (Exterior Gateway Protocol), с помощью которого осуществлялась междоменная маршрутизация между автономными системами; при этом отсутствовала необходимость в централизованном управлении и координации модернизации аппаратного и программного обеспечения для обеспечения совместимости, как в случае с ARPANET. Тем не менее основная магистраль NSFNET контролировала маршрутизацию через NSFNET в целом, а EGP был разработан прагматически с учетом иерархической топологии NSFNET [20].

В 1994 г. сеть NSFNET была приватизирована, в 1995 г. появилось много частных провайдеров интернет-услуг. Описывая архитектуру глобальной системы маршрутизации, отметим, что современный Интернет не имеет иерархической структуры NSFNET; распределенная модель маршрутизации предполагает, что рабочая

топология сети определяется совместно всеми устройствами. При этом топологическая структура Интернета стала состоять из множества центров силы в разных географических масштабах.

Миф об анонимности на электронном фронтире

Наряду с «поверхностным», «видимым» Интернетом (surface web) функционирует невидимый Интернет, включающий различные сегменты: глубокая сеть (deep web) (сайты, не индексирующиеся основными поисковыми системами, но доступные с помощью стандартных веб-браузеров); темная сеть (сайты, недоступные через стандартные браузеры, базирующиеся на использовании оверлейной сети, требующей особых прав доступа, специализированного программного обеспечения) [21, с. 57]. Даркнет представляет мир скрытых сервисов Tor, I2P, Freenet и т.д. Структуры даркнета – Tor, I2P (Invisible Internet Project) – сети, располагающиеся поверх Интернета (оверлейные), предоставляющие определенную маскировку личности интернет-пользователя, но *не полную анонимность* [21; 22].

Для обычного пользователя само существование «темного интернета» является мифом; дарквеб часто ассоциируется только с темной стороной э-фронттира, представляя «цифровым подпольем», местом скопления киберпреступников. Перечислим мифы о даркнете, циркулирующие в цифровой среде: даркнет такой же, как и глубокий веб; даркнет используется только для преступной деятельности; даркнет огромен. Отметим также, что даркнет-структура Tor предстает мифическим конструктом, с которым связаны представления пользователей о том, что проект может быть взломан, сложен в использовании или гарантирует полную анонимность. Глубокий веб содержит веб-сайты и веб-ресурсы, которые не индексируются поисковыми системами; но это могут быть форумы, сайты научных институтов, базы данных, правительственные веб-сайты, доступ к которым только у зарегистрированных пользователей. Определенная часть deep web содержит академический контент на сайтах университетов. Даркнет – небольшая часть невидимой сети, которая намеренно скрыта и недоступна для стандартных веб-браузеров. Посетители цифрового подполья представляют собой «пыль в галактике онлайн-пользователей». Многие услуги, доступные в даркнет, могут быть доступны на обычных веб-сайтах (финансовое мошенничество, террористические форумы,

торговля запрещенными товарами, субстанциями) [23]. К тому же проект Тог входит в рабочую группу по цифровой экономике, созданную с целью решения проблем киберпреступности. В 2010 г. даркнет-структура Тог была удостоена премии от Фонда свободного программного обеспечения, в т.ч. за поддержку активистов борьбы за права человека, диссидентов. Проект Тог используется социальными работниками для общения на веб-форумах с беженцами, жертвами насилия, лицами с отклонениями, журналистами – для общения с диссидентами и информаторами, например в целях приема компромата, конфиденциальной информации [22]. Значимость даркнет-пространства для мира киберпреступности преувеличена, однако это пространство, свободное от цензуры, и проблема состоит в том, как пользователи ведут себя в условиях анонимности.

Миф о свободе на электронном фронтире

Интернет-мифология содержит две истории относительно управления и контроля над э-фронтиром. Киберлибертарианцы утверждают, что электронный фронт свободен от корпоративного и государственного контроля как «мир, который везде и нигде» [24]. Так, для Дж.П. Барлоу метафорический конструкт э-фронтира подразумевал идею «фронтирного сообщества», противопоставленного фронтирной линии: независимый поселенец находится в опасности быть колонизированным «имперским» правительством. Эту мифологическую конструкцию *баланса свободы и дисциплины* в «промежуточном» временном состоянии, на которое пока не повлияла цивилизация (*правительственный контроль*), Барлоу экстраполирует на Интернет, интерпретируя фронтирное комьюнити с позиции риторики киберлибертарианства [5, р. 100; 24]. Киберпатерналисты, напротив, указывают на то, что архитектура Интернета может быть использована для практик контроля.

В 2010-х гг. государственные структуры начали активную интеграцию в электронное пограничье РФ; реализуется государственная политика в отношении производства и распространения фронтирскими контентом в онлайн-пространстве, фильтрация веб-сайтов. С ноября 2017 г. вступил в силу ФЗ №276, который ввел запрет на использование технологий доступа к заблокированным на территории РФ информационным ресурсам, применение средств достижения анонимности на пространстве э-фронтира (VPN-сервисы, Тог и т.д.), запрет для операторов поисковых систем э-фронтира выдавать

ссылки на заблокированные сайты по запросам пользователей; для этого поисковые системы получают доступ к реестру Роскомнадзора, содержащему сведения о запрещенных сайтах [25]. Владельцам даркнет-структур запрещено предоставлять возможности их использования российским поселенцам э-фронтира в целях обхода блокировок сайтов. ФЗ № 276 отменяет обязательную регистрацию в реестре Роскомнадзора «топовых блогеров». С января 2018 г. начнет действовать ФЗ № 241, который вводит для интернет-мессенджеров обязанность по идентификации пользователей с использованием номера мобильного телефона [26]. Государство «оккупирует» пространство э-фронтира, однако программисты, технологи, пользователи неоднозначно оценивают подобные практики «вторжения», аргументируя сложность государственного регулирования сети её открытой архитектурой, динамизмом цифровых технологий, избыточностью фронтирных ресурсов.

Заключение

Мифологическая реальность фронтира, «цифровой жизни» репрезентирована сетью мифов с упорядоченной матрицей значений, корреляциями, иерархическими отношениями между мифами. Мифологический корпус э-фронтира не исчерпывается перечисленными мифами; он сложен, динамичен, как и цифровая реальность; циркулируют различные мифические сюжеты о «поселениях», цифровых популяциях в онлайн-пространстве, героях фронтира, фронтирном индивидуализме, демократии. Фронтирные мифы – это истории, которые мотивируют и фиксируют развитие повестки дня электронного ландшафта, фронтирных достижений; цифровой мир – это также и «гибрид» алгоритмов и метафор, науки и мифов.

Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 15-03-00339 «Фронтир сетевого общества как пространство политического взаимодействия».

Список литературы

1. Healy D. Cyberspace and Place: The Internet as Middle Landscape on the Electronic Frontier // *Internet Culture*. N.Y and L.: Routledge, 1997. P. 55–68.
2. Cooper J.R. The CyberFrontier and America at the Turn of the 21st Century: Reopening Frederick Jackson Turner's Frontier // *First Monday*. 2000. №5 (7). Режим доступа: <http://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/768/677>. DOI: <http://dx.doi.org/10.5210/fm.v5i7.768> (дата обращения: 20.05.2017).
3. Neice D.C. Cyberspace and Social Distinctions: Two Metaphors and a Theory // *Inside the Communication Revolution – Evolving Patterns of Social and Technical Interaction*. Oxford: University Press, 2002. P. 55–84.

4. Flichy P. *The Internet Imaginaire*. Cambridge, MA: MIT Press, 2007. 256 p.
5. Bødker H. The Counter-Cultural Online Frontier – or the Quest for Mythological Balance through Eternal Movement // *American Studies in Scandinavia*. 2004. № 36 (1). P. 90–114.
6. Melbin M. Night as Frontier // *American Sociological Review*. 1978. № 43 (1). P. 3–22.
7. Hartmann M. *Technologies and Utopias: The Cyberflaneur and the Experience of Being Online*. München: Verlag Reinhard Fischer, 2004. 297 p.
8. Adams P.C. Cyberspace and Virtual Places // *The Geographical Review*. 1997. № 87(2). P. 155–171. DOI: 10.2307/216003.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Turner F. Cyberspace as the New Frontier?: Mapping the Shifting Boundaries of the Network Society, 1999. Режим доступа: <http://fredturner.stanford.edu/wp-content/uploads/turner-cyberspace-as-the-new-frontier.pdf> (дата обращения: 25.10.2016).
11. Miller L. Women and Children First: Gender and the Settling of the Electronic Frontier // *Resisting the Virtual Life: The Culture and Politics of Information*. San Francisco: City Lights, 1995. P. 49–57.
12. Cleaver H. The «Space» of Cyberspace: Body Politics, Frontiers and Enclosures // *Women & Performance: a Journal of Feminist Theory*. 1996. № 9 (1). P. 239–247.
13. Rojek C. F.J.Turner's «Frontier Thesis»: the Ruse of American «Character» // *European Journal of Social Theory*. 2017. № 20(2). P. 236–251. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431016638852>.
14. Doty W.G. *Mythography: The Study of Myths and Rituals*. Tuscaloosa, Alabama: The University of Alabama Press, 2000. 577 p.
15. Fernandez-Cano A., Fernandez-Guerrero A. Computers and Classical Myths // *AI & Soc.* 2014. № 29. P. 85–96. DOI: 10.1007/s00146-013-0446-2.
16. Rheingold H. *The Virtual Community: Home-staying on the Electronic Frontier*. New York: Basic Books, 1993. 325 p.
17. Кастельс М. *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2004. 328 с.
18. Green R.M. Unpacking «I don't want it» – Why Novices and Non-users don't Use the Internet // *First Monday*. 2006. № 11(9). Режим доступа: <http://firstmonday.org/issues/issue119/green/index.html>. DOI: <http://dx.doi.org/10.5210/fm.v11i9.1395> (дата обращения: 15.05.2017).
19. Straumann R. Who Can Access the Internet? Режим доступа: <http://geonet.oii.ox.ac.uk/blog/who-can-access-the-internet> (дата обращения: 16.07.2017).
20. Mathew A. The Myth of the Decentralised Internet // *Internet Policy Review*. 2016. № 5(3). Режим доступа: <https://policyreview.info/articles/analysis/myth-decentralised-internet>. DOI: 10.14763/2016.3.425 (дата обращения: 10.06.2017).
21. Браун Б. *Эволюция Darkweb // Интернет в цифрах*. 2017. № 2(29). С. 56–61. Режим доступа: <https://cctld.ru/files/books/InNumbers29.pdf> (дата обращения: 03.06.2017).
22. Бартлетт Д. *Подпольный интернет: темная сторона мировой паутины*. М.: Эксмо, 2017. 352 с.
23. Сох J. The Dark Web as You Know it is a Myth. 2015. Режим доступа: <https://www.wired.com/2015/06/dark-web-know-myth> (дата обращения: 10.07.2017).
24. Barlow J.P. *A Declaration of the Independence of Cyberspace*. 1996. Режим доступа: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 20.07.2017).
25. Федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // *Российская газета*. 2017. 4 авг.
26. Федеральный закон от 29.07.2017 № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.1 и 15.4 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // *Российская газета*. 2017. 4 авг.

THE MYTHOLOGY OF THE ELECTRONIC FRONTIER

N.V. Plotichkina

Kuban State University

This article provides a theoretical explication of the spatial metaphor of the electronic frontier. The author proves the transposability of F.J. Turner's thesis of the frontier on a digital landscape. Similar features of western and electronic frontiers are also revealed: stage-by-stage colonization of spaces; paucity and homogeneity of population; isolation of colonies; decentralization of management; decrease in social restrictions and prosecutions; growth of lawlessness at the initial stages of frontier development; exploitation of frontier resources as an element of national policy. According to the author, frontier communities of western and virtual spaces are characterized by some common features: the emergence of new styles of behavior, frontier identity; the openness and friendliness in the interactions of settlers; formation of the groups of interest. The mythological corpus of the electronic frontier is interpreted as a network of myths. The stages of designing the general myth about the electronic frontier, private myths about frontiers, general accessibility, decentralization, anonymity and freedom on the electronic frontier are described. The role of digital intellectuals in the construction and dissemination of the myth about the universal Internet as a frontier community is shown. The heroic mythologem of the frontier is revealed through the description of mythological images of cybersquatters and hackers. The myth about general availability of the electronic frontier indicates that the degree of permeability of the dynamic border is defined by the level of users' digital competence. The myth about decentralization is considered in the context of technological infrastructure of the online space. The author describes the myths about the darknet, which are circulated in the online environment and shows the heuristic nature of the metaphor of the electronic frontier in modern research of digital reality.

Keywords: frontier, spatial metaphors of the Internet, electronic frontier, myths of electronic frontier, mythologization

of frontier, sociology of the Internet, mythology of the Internet.